

ПОЛИТИКА МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ОБЪЕКТИВНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ, ВОЗМОЖНОСТИ, РИСКИ (ОПЫТ БЕЛАРУСИ)

А. Л. Стризов

Волгоградский государственный университет

Поступила в редакцию 17 декабря 2015 г.

Аннотация: в статье анализируются объективные условия и возможности субъективного выбора национальным государством варианта политики международной интеграции. На примере Беларуси показана важность наличия технологических и инфраструктурных предпосылок, а также прагматических ориентаций массового сознания для оптимального протекания процесса интеграции. Раскрыта специфика геополитических и социокультурных факторов международной интеграции Беларуси. Автор дает характеристику рискам, возникающим в процессе выбора варианта международной интеграции, рассматривает перспективы их минимизации.

Ключевые слова: национальное государство, международная интеграция, международные организации, суверенитет, глобализация, политическая элита, стратегия интеграции, риски интеграции, Беларусь.

Abstract: the article focuses on analyzing objective conditions and possibilities of subjective choice of a variant of international integration policy by national state. Based on the example of Belarus, the importance of technological and infrastructural preconditions, as well as of pragmatic orientations of mass consciousness for optimal flow of integration process is shown. Specific character of geopolitical and sociocultural factors of international integration of Belarus is revealed. The author gives a description of risks arising in the course of choosing a variant of international integration and examines prospects for their minimization.

Key words: national state, international integration, international organizations, sovereignty, globalization, political elite, integration strategy, integration risks, Belarus.

Современные интеграционные процессы по своей многомерности, асинхронности и неоднозначности представляют собой отражение социально-политической реальности с ее плюрализмом субъектов, разнородностью и противоречивостью явлений и процессов. В них можно выделить два типа международных сообществ и формируемых ими пространств экономической и политической интеграции. С одной стороны, это спонтанно развивающиеся объективные тенденции планетарного, регионально-локального характера, с другой – управляемые процессы реализации национально-государственных или наднациональных политических проектов и стратегий по созданию международных объединений различного характера и направленности. В основе первых – геоэкономические и геополитические связи и зависимости в общественном разделении труда, социокультурной эволюции, ценностных предпочтениях и ментально-психологических ориентациях. Сюда же следует отнести общность исторических судеб, относительно равномерное течение исторического времени на больших пространствах, освоенных разными народами и государствами. Таковы сегодня европейское, трансатлантическое, евразийское, ибероамериканское (испаноязычное) сообщества, сообщ-

ества франкоговорящих и португалоговорящих народов. В основе вторых – субъективные по своей природе и ограниченные временным и частичным совпадением интересов и балансом сил союзы, блоки, организации. Неудивительно поэтому, что на одном и том же объективно детерминированном геополитическом и геоэкономическом пространстве возникают и конкурируют несколько интеграционных структур, реализующих подчас разные по вектору направленности и глубине интеграционные стратегии.

Пространство СНГ здесь не является исключением, поскольку оно, как показал более чем двадцатилетний период перехода к рынку, не только оказывается объектом реализации различных интеграционных проектов мировых и региональных акторов, но и превратилось в арену, на которой новые постсоветские государства пытаются выстроить собственную политику международной интеграции. Опыт Беларуси здесь представляется наиболее интересным, поскольку он не сводится ни к простому и форсированному «обмену» национального суверенитета на включение страны в западноевропейское сообщество, ни к попыткам изолировать себя, избрав авторитарно-автаркический сценарий развития.

Геополитическое положение Республики Беларусь формирует дилемму интеграции в объективно

сложившиеся сообщества европейских и евроазиатских государств. В обозримом будущем эти сообщества сохранят свою качественную специфику, а выдвигаемый время от времени лозунг создания единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока остается пока не более чем благим пожеланием. В такой ситуации особое значение приобретает, во-первых, состав и конфигурация политических сил на каждом из этих пространств, а также условия и организация интеграционного взаимодействия государств – участников международных объединений. Во-вторых, наличие благоприятных для Беларуси стартовых позиций, технологических, инфраструктурных и институциональных предпосылок интеграции. В-третьих, риски выбора, разработки и реализации национальным государством интеграционной стратегии.

Несовпадение объективно заданных логикой исторической эволюции и международного разделения труда границ и субъективно определяемых масштабов и ориентиров политики интеграции проявляется в продолжающейся борьбе центров мировой экономики и политики за передел сфер влияния, расширение границ интеграционных объединений. В то же время молодые национальные государства, «неофиты» интеграции одержимы соблазном быть «слугой двух господ», одновременно участвуя в нескольких интеграционных проектах, иногда конкурирующих друг с другом. В контексте этого возникают вопросы о критериях выбора национальными государствами варианта международной интеграции, об условиях выживания и успеха различных интеграционных проектов.

Возникают и проблемы теоретико-методологического характера, связанные с выбором адекватной теоретической модели, языка и дискурса описания пространств и политики интеграции, а также решаемых ею задач. Применительно к Беларуси значительный вклад в их постановку и обсуждение внесла Л. Г. Титаренко [1]. Метафора «пограничья» как субцивилизации, предлагаемая ею как базовая для концептуализации «буферных» пространств [там же, с. 42], не получает достаточно ясного и однозначного истолкования. Причинами этого являются, по нашему мнению, два обстоятельства: излишняя аксиологическая нагруженность дискурса автора и избранная ею интерпретация цивилизационного подхода в духе А. Дж. Тойнби, отождествляющая цивилизацию и культуру.

Рассмотрение Беларуси в геополитике как «буферного», пограничного пространства между европейским и евроазиатским пространствами интеграции ставит вопрос об отношении этого пространства с центрами интеграции. Понятно, что в силу целого ряда объективных исторических, экономических и

политических причин в двух указанных выше аспектах интеграции Беларусь не может претендовать на роль центра. В современной технократской интерпретации цивилизационного развития данная проблема рассматривается сквозь призму отношений центра и периферии, когда центр является источником вызовов, постановки проблем, концентрации интеллектуальных ресурсов и инноваций, а периферия осваивает, воспроизводит, транслирует цивилизационные процессы. Такая асимметрия порождает у Л. Г. Титаренко неприятие центр-периферийного подхода, поскольку получается, что Европейский Союз «навязывает свои правила игры и ценности», а ценности постсоветской «периферии» вообще не принимаются во внимание, зато насаждаются ценности и идентичности «центра», политика интеграции воспроизводит постколониальный дискурс [там же, с. 31]. Однако дело заключается не в самом центр-периферийном подходе и не в отрицательной «магии» слова «периферия». В разных объективных контекстах, и соответственно, в разных контекстах анализа одно и то же пространство может выступать и как «чья-то» периферия, и как целостная топка. Существующее соотношение политических сил, различие уровней цивилизационного развития участников процесса евроинтеграции делает возможным навязывание невыгодных условий, диктат и давление. Технократская трактовка цивилизации подчеркивает принципиальную важность и роль объективных технологических, инфраструктурных, нормативно-институциональных (программных) факторов и условий (ограничений) центра и периферии для оптимальной интеграции.

Из предложенного нами подхода следует, что режим отношений национальных государств с центром интеграции, который объективно и является центром цивилизационных (технологических и связанных с этим) инноваций, есть результат стратегического выбора национальных властвующих элит, предмет согласования интересов, сложного переговорного процесса. Смысл его в создании наилучших условий для скорейшего сближения уровней развития в утилитарно-технологических областях при сохранении ментально-аксиологической и культурной самости интегрируемых обществ. Понятие периферии в цивилизационном (утилитарно-технологическом) смысле позволяет ранжировать национальные государства, претендующие на место в пространстве интеграции, определить характер, меру и условия включения в международные структуры.

Любопытно, что, оценивая уроки расширения Евросоюза на Восток и его новый этап, П. Тамаш отмечает важность создания жесткого ядра Европы: «Если создается такое ядро на уровне семи или восьми стран, то остальные могут сгруппироваться, как

хотят, все равно это будет какая-то периферия...» [2]. Таким образом, речь идет об определении разного статуса интегрируемых обществ по отношению к центру, когда возникают твердая косточка и рыхлая мякоть «интеграционного фрукта». Все это лишь подчеркивает значение переговорного процесса и роли участвующих в нем политических субъектов.

Взаимодействие объективных условий и субъективных факторов процессов международной интеграции может быть описано в дискурсе диалога как коммуникация вызова и ответа. Одним из существенных вызовов национальному государству со стороны процессов международной интеграции всегда была тенденция к ограничению государственного суверенитета. Традиционно она была обусловлена иерархическим характером организации политической власти, в том числе и в международных отношениях. Не секрет, что это обстоятельство порождало сопротивление отдельных субъектов интеграции и коллизии в отношениях между ними. Сегодня эта объективная тенденция получает новый импульс в связи с процессом становления сетевых структур в организации всех сложных – а не только информационных – социальных систем. Теоретически указанный практически-политический вызов проявляется как отход исследователей от методологического национализма и переход к транснационализму. Если первый исходил из того, что «национальное государство и национальное общество являются естественными формами современного мира», то второй полагает, что поскольку «многие общественные задачи государствам приходится решать совместно, создавая вне национальных рамок новые центры принятия и имплементации решений», неизбежно появляются «международные пространства глобального и регионального управления, которые функционируют транснационально» [3].

Сетевая организация социальных взаимодействий порождает новые механизмы влияния, отличные от простого волевого ограничения компетенций, исходящего от вышестоящих наднациональных структур. Необходимость всесторонней координации существенно ограничивает возможности собственного целеполагания, выбора средств, определения текущих приоритетов. Власть как способность оказывать влияние, изменять поведение субъектов в условиях сетевой организации все больше связывается с выдвижением и сохранением инициативы в решении стратегических и оперативных задач сообществ государств. Не случайно, например, в Европе «отрабатываются механизмы, позволяющие европейской власти, в случае возникновения чрезвычайной ситуации, быстро запретить или ограничить определенную финансовую активность на рынке, минуя национальные инстанции» [3, с. 27]. Анало-

гичные примеры можно обнаружить и в других сферах деятельности.

Такого рода власть как «мягкая сила» все больше связывается с воздействием на когнитивные механизмы регулирования активности политических субъектов, на их способность включаться в новые стратегии освоения и использования политического пространства. Особая роль инициативы означает не просто возрастание роли инновационных элементов в политике интеграции, а существенное повышение роли, которую играет фактор времени в процессах интеграции. При этом одинаково важны и своевременность политического реагирования, и способность выдерживать темп политических процессов и кампаний. Ускорение социально-политического развития на рубеже XX–XXI вв., частая реконфигурация политических сил превращают инновационные вызовы и «вызовы темпа» в факторы постоянного действия. Если учесть еще и неравномерность национально-государственного и регионального развития, то проблема сохранения общего темпа интеграции дополняется необходимостью ликвидировать отставание в технологическом и институциональном развитии.

Нетрудно заметить, что развертывание реальных процессов политической интеграции часто демонстрирует нежелание и неготовность властвующих элит постсоветского пространства поступиться национально-государственным суверенитетом, обеспечить глубокое проникновение наднациональных структур в собственную систему управления. Отчасти это можно объяснить «аллергией» на интеграцию, которая подпитывается исторической памятью советского прошлого, отчасти – эгоизмом интересов, желанием решить собственные проблемы, как можно дольше «наслаждаться» совсем недавно обретенным статусом независимости. Постепенная ротация элит и лидеров устраняет эти несоответствия, но делает это ценой потери времени, вновь и вновь ставя государство и общество перед перспективой догоняющего развития. Однако, по нашему мнению, вызов международной политики интеграции в эпоху глобализации не сводится к пересмотру границ суверенитета власти и компетенций управления. Речь идет о наличии у национальной политической элиты информированных, ответственных и авторитетных лидеров, о способности элиты к преодолению внутреннего эгоизма, коллективному действию, тесному контакту с общественными структурами и движениями. Как видим, центральными вопросами, определяющими готовность политической элиты дать адекватный ответ на вызовы современности, являются вопросы о ее организации и коммуникативной эффективности.

Политическая элита Беларуси дает нам интересный пример достаточно прочной консолидации, гарантирующий невозможность самоуничтожающей

конкуренции бюрократических и олигархических кланов, наблюдаемых сегодня на Украине. В то же время устойчивое лидерство президента и единство при решении возникающих проблем не могут устранить социальную гетерогенность самой элиты, наличие в ней нескольких, достаточно различных по своему политическому опыту и стилям мышления групп [4]. Это различие затрагивает и отношение к европейскому и российскому вариантам интеграции.

Качественное многообразие позиций и статусов в пространстве международной интеграции обусловлено еще и тем, что социокультурные инструменты и механизмы коммуникации, связывающие людей и институты, являются онтологически неоднородными. Язык, ментальность, социально-психологические особенности и установки общественного сознания задают объективные ограничения пространству интеграции, влияют на разрешение конфликтов, на выбор позиций и артикуляцию интересов в поле коммуникации. Эти инструменты и особенности изменяются по законам спонтанной эволюции, в то время как сфера печатных и электронных СМИ, выступающая важнейшим инструментом языковой политики, инструментом воздействия на подсознание, формирования стереотипов, является объектом сознательного управления. Ее содержание и режимы функционирования превращаются в арену реализации глобальных и локальных информационных проектов и войн. Власть, повиная конъюнктуре, определяемой центрами интеграции или собственными идеологическими амбициями, то и дело стремится перекрыть по-своему языковой ландшафт политического пространства интеграции, принудительно реконструировать историческую память, императивно воздействуя на ментальные стереотипы, сложившиеся десятилетиями традиции и ритуалы. Деструктивные последствия и тупики подобной политики власти мы можем наблюдать в современной Украине. По сравнению с этим белорусский вариант национального строительства оказывается более адекватным в плане соответствия европейскому пространству интеграции гражданских наций. Как отмечает О. А. Подолянская, в Беларуси «государственная политика направлена на то, что национальная идентичность является в основном политической (гражданской)», в результате чего «Беларусь уже завершает формирование полиэтничного государства-нации, а Украина продолжает поиски обоснования и оправдания “построения” этнокультурной нации-государства» [5].

Сложность возникающей здесь проблемы субъективного выбора варианта коммуникативного оформления как национального единства, так и пространства интеграции заключается в том, что, с одной стороны, социокультурная самобытность отличается

инерционностью развития и с большим трудом поддается трансформации, ограничивая взаимодействие государств и обществ, а с другой – развитие интеграционных процессов требует от включенных в них сообществ социокультурной адаптации, поддержания межкультурной коммуникации, прежде всего, в утилитарных сферах, достижения взаимопонимания и расширения пространства диалога. В практически-политической плоскости речь идет о том, чтобы противостоять принудительной вестернизации, часто перерастающей в американизацию и «макдоналдизацию» всей системы ценностей и образа жизни, с которыми сегодня неизбежно связаны процессы модернизации и глобализации, не отказываясь от разумного включения в объективные планетарные и региональные процессы, использования их для решения задач национального развития.

Как видим, политика международной интеграции отдельных национальных государств должна исходить из понимания ими как стратегических целей интеграции, так и качественного многообразия ее путей, этапов, статусов и форм. Одной из центральных проблем политики интеграции является выстраивание отношений национальных государств с интеграционным центром данного сообщества, а также другими центрами международной интеграции. Последние, не являясь приоритетными, тем не менее важны в силу невозможности изоляции от глобальных процессов и взаимосвязей. Наконец, налагая на себя определенные обязательства, участники интеграционного процесса берут на себя коллективную ответственность, ограничивая свою свободу, подвергая себя рискам, следовательно, уплачивая определенную социальную цену за интеграционный выбор.

Описанные нами коллизии объективных и субъективных факторов международной интеграции делают актуальными ряд моментов политики национальных государств по построению международных организаций и союзов. Определяя политическую стратегию как систему темпорально организованных приоритетов политической деятельности, можно указать, прежде всего, на приоритет выбора национальным государством вектора международной интеграции. Здесь государство выступает либо как учредитель новой интеграционной структуры, либо как новый член уже существующего сообщества. В первом случае оно оказывается сотворцом принципов и условий интеграции, во втором – субъектом адаптации к утвердившимся целям и сложившимся ранее правилам игры. Это заметно сокращает возможности влиять на условия и правила интеграции, но не исключает переговорного процесса о выборе оптимального режима адаптации к ним.

Такой режим в решающей мере определяется состоянием внутреннего развития интегрируемого

общества. Создание внутренних предпосылок интеграции может стать еще одним существенным приоритетом в общей модели интеграционной стратегии. Если говорить о предпосылках, наличие которых способствует гармоничной интеграции, то с учетом проведенного выше анализа объективных и субъективных факторов интеграции среди них можно выделить следующие: 1) культурно-цивилизационные (инфраструктурно-технологические предпосылки); 2) административные предпосылки (наличие функционирующих муниципальных и территориальных сообществ, демократическая административная реформа); 3) нормативно-юридические предпосылки. Первая из указанных предпосылок характеризует культурно-цивилизационный фундамент интеграции, на котором становится возможным эффективное использование современных форм организации хозяйственной деятельности. Этот фундамент предполагает как существование развитой инфраструктуры: транспорта, связи, коммунальных сетей, так и наличие современного работника, способного к освоению и смене различных профессий, статусов и социальных ролей. Здесь закладываются основы практик повседневности, позволяющие говорить о социально-психологической адаптации не только к рынку, но и к его интеграционным формам и проявлениям. Белорусская научная и административная элита осознает наличие достаточно высокого стартового уровня страны, позволяющего ей облегчить интеграцию в европейские структуры. «Можно утверждать, – пишет А. Вардацкий, – что европейский потенциал Республики Беларусь выше, чем у какой-либо из стран-соседей – бывших республик СССР... Я имею в виду инфраструктуру, компактность и вытекающую отсюда управляемость страны, я имею в виду уровень образованности, квалифицированности и того, что называется skills населения... И этому есть объективные причины, которые заключаются в том, что Беларусь была завершающим звеном, сборочным цехом всесоюзного конвейера. А именно эти производства предполагают наибольший уровень квалифицированности производительных сил, человеческого ресурса» [4, с. 50]. При этом в отличие от Украины, обладавшей не меньшими, а возможно и большими, стартовыми преимуществами, политика национальной элиты максимально сохраняла его и поддерживала его функционирование, а не «продала» его, приводя страну в состояние социально-экономической и технологической деградации.

Вторая и третья предпосылки описывают степень готовности субъектно-нормативного пространства интеграции, существенно облегчающую унификацию социальных и политико-правовых институтов. В условиях четко организованного и прозрачно функционирующего местного самоуправления адаптиро-

ванные к современным экономическим процессам практики повседневности формируют у граждан способность адекватно осознавать, цивилизованно выражать и согласовывать групповые и территориальные интересы, избегая их ложной политизации. Это тем более важно потому, что опыт и Западной Европы, и России показывает: большая часть социально-демографических и этнокультурных проблем, потенциально провоцируемых процессами международной интеграции и приводящих к росту социальной напряженности, может быть решена на коммунально-поселенческом и муниципальном уровнях, вне макрополитического контекста.

В связи с этим обратим внимание на тот факт, что избранный Республикой Беларусь в постсоветский период вариант социально-экономической трансформации позволил в значительной мере сократить разрыв в уровне и качестве цивилизационной инфраструктуры по сравнению с соседями, втянутыми в евроинтеграцию, как в отраслевом (экономическом), транспортно-коммуникационном, так и в поселенческом плане. Эти позитивные перемены могут не только укрепить предпосылки для глубокой и эффективной международной интеграции Беларуси, но и позитивно сказаться на массовых ментально-психологических и социокультурных установках и общественных настроениях, уменьшить иллюзорность и укрепить прагматизм в оценках и ориентациях рядовых граждан. Если учесть, что в социокультурном плане в Беларуси (как, впрочем, и на Украине) можно выделить три сегмента с различной ценностной ориентацией – «вестернизованный», «советский» и промежуточный [4, с. 57–58], – то постепенное и мягкое сокращение инфраструктурно-технологической дистанции с ближайшими европейскими соседями является оптимальным способом адаптировать к реалиям евроинтеграции дистанцирующиеся пока от нее культурные сегменты.

В условиях, когда интеграционная политика стран Центральной и Восточной Европы сопровождалась активизацией протестного движения под экономическими и политическими лозунгами, сформированный в Беларуси своеобразный «гражданский контракт» может оказаться особенно ценным. Как полагают белорусские социологи, несмотря на кризисные явления у рядовых граждан, «применительно к белорусской ситуации... есть возможность “выхода” в частную сферу, не ограничена также и трудовая миграция, не возникает необходимости выбирать – жестко лояльность государству или жестко “выход” или “протест”... У людей есть возможность совмещать несколько стратегий, а у власти – поддерживать общую лояльность населения» [6]. Прагматизм ориентаций при сохранении возможностей выбора в экономической сфере, достигнутый в Беларуси, показы-

вает, что белорусское общество более подготовлено к интеграции, чем, например, украинское. Важным преимуществом белорусской политики является, на наш взгляд, прагматический консенсус между гражданами и властью относительно умеренного, лишённого крайностей понимания этнокультурной специфики Белоруссии, чему в немалой мере способствует такая черта массового сознания белорусов, как толерантность. При этом такая умеренность ничего общего не имеет с «зыбкостью» или «иллюзорностью» идентичности: при всех спорах о ее содержании никто в Беларуси не принимает идею отказа от собственной идентичности, ее растворения в идентичностях соседних народов и культур.

Все это существенно облегчает работу по наращиванию предпосылок международной интеграции в субъектно-нормативном пространстве, в юридической и управленческой подсистемах. На важность этого этапа применительно к Беларуси указывает и венгерский социолог Пал Тамаш [2]. Можно расходиться с П. Тамашем в политических предпочтениях, но нельзя отрицать того факта, что любой из векторов интеграции – и европейский, и евразийский – потребует времени для серьезной государственной институциональной корректировки. При этом понятно, что, например, евразийский выбор не избавит государство от решения проблемы поддержания разносторонних связей с евроструктурами и отдельными членами Евросоюза. Важно, что белорусские социологи и политологи приходят к сходным выводам, подчеркивая необходимость периода адаптации и перехода от жесткой интеграционной альтернативы по принципу «или-или» к гибкому варианту параллельного интеграционного сближения «и-и» [4, с. 98, 102].

Значительную роль в формировании политики интеграции играет анализ возникающих при этом рисков и связанных с ними последствий. Как мы уже показали, это риски субъектного выбора политической элиты, реализуемые в переговорном процессе об условиях и формах интеграции, а также в процессе принятия управленческих решений, поддерживающих ее оптимальные темп и режим. По сути дела, речь идет о том, чтобы обеспечить определенное качество международной интеграции, минимизируя связанные с ней издержки и деструктивные последствия. Одновременно власть и политическая элита должны сохранять определенное качество внутренней интеграции общества, свое положение в нем.

С этой точки зрения политика интеграции сталкивается с темпоральными рисками: выгоды в ближайшей и долгосрочной перспективе могут не совпадать – сиюминутный политический успех может достигаться ценой попадания в перспективе одного-двух десятилетий в историческую ловушку. В то же время гражданское сообщество крайне бо-

лезненно реагирует на мобилизационные сценарии, предполагающие обычно большой «отложенный спрос» не только на демократические свободы, но и на благосостояние. Возможности использовать средства компенсации социально-экономического и институционально-политического отставания, предоставляемые сегодня международными и региональными финансовыми институтами и снижающие мобилизационные издержки интеграции, обставлены соблюдением ряда условий, принятие которых порой крайне болезненно для национальных государств, а иногда и практически неосуществимо.

Наряду с «риском терпения», основанным на доверии власти и ее политике интеграции, обратим внимание еще на один риск, который может быть назван «риском престижа». И для общественного мнения внутри страны, и для ее внешнеполитического имиджа лестно быть членом престижного Европейского союза с «сильным», достаточно стабильно функционирующим центром и большим списком потенциальных кандидатов. Однако для большинства стран Восточной Европы, в том числе и Беларуси, место в этом объединении в силу объективных причин не будет удобным, а тем более привилегированным. В то же самое время евразийская интеграция, центр которой хотя и не может похвалиться эффективностью и успехами в борьбе с бюрократией и коррупцией, по объективному уровню социально-экономической зрелости своих членов и перспективам их рынков ближе Восточной Европе. Принадлежащие ей государства имеют гораздо больше шансов занять в евразийском пространстве выгодные для себя позиции, предполагающие не пассивную адаптацию к принятым правилам игры, а их активное формирование. В выборе между маргинальным положением в пространстве евроинтеграции и активным конструированием евразийского социально-экономического пространства и своего места в нем имеется и свой темпоральный аспект. Первый («престижный») вариант сразу открывает перед новыми членами большое пространство статусно-правовых и кредитно-финансовых возможностей с весьма туманной перспективой их использования при объективно имеющихся предпосылках. Второй обещает проблемный старт с выгодами в среднесрочной и долгосрочной перспективах. По сути дела, описанный нами риск возникает в пространстве выбора между престижем свободы возможностей и стабильностью и безопасностью национальной социально-экономической системы. Выбор подобного рода достаточно подробно описан современной политической философией и политологией в разных контекстах и ситуациях.

Завершая рассмотрение политики международной интеграции, обратим внимание на два момента.

Поскольку в современном глобализирующемся мире этой политике нет альтернативы – ибо нации, предпочитавшие стратегию изоляционизма, всякий раз обрекали себя на историческое отставание, – национальные государства должны активно включаться в построение сетей международных связей, стремясь сохранить за собой приоритетные позиции в поставке и разрешении назревших проблем. Возникающие при этом риски могут быть минимизированы различными способами, выбор которых определяется контекстом конкретной ситуации и постоянным изучением международного опыта политики интеграции. Все это превращает комплексное изучение международной интеграции в важнейший приоритет современного общественнознания. Опыт Беларуси подтверждает важность курса на постепенное сближение уровней цивилизационно-технологического развития с европейским сообществом при формировании прагматических ориентаций массового сознания и сохранении этнокультурной специфики, что создает возможность политического выбора пути многовекторной интеграции в международные

структуры при сохранении собственной идентичности и национальной государственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Титаренко Л. Г.* Теории пограничья / Л. Г. Титаренко // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – № 2. – С. 28–48.
2. *Тамаш П.* Евроинтеграция Польши и Вышеградской четверки : уроки для Беларуси / П. Тамаш. – Режим доступа: <http://n-europe.eu/eurocafe/lecture /2013/07/06/>
3. *Стрежнева М. В.* Участие Европейского союза в политическом управлении глобальными финансами / М. В. Стрежнева // Политические исследования. – 2014. – № 2. – С. 18–30.
4. Беларусь : ни Европа, ни Россия. Мнение белорусских элит. – Варшава : ARCHE, 2006. – 268 с.
5. *Подольская А. О.* Этнополитическая трансформация Беларуси и Украины сквозь призму миграций / А. О. Подольская // Политические исследования. Поллис. – 2010. – № 2. – С. 34–63.
6. Кризисы не разрушили «социальный контракт» между Лукашенко и белорусами. – Режим доступа: <http://www.dw.de/a-17705100>

Волгоградский государственный университет

Стризове А. Л., доктор философских наук, профессор

E-mail: strizoe@yandex.ru

Тел.: 8-902-360-85-97

Volgograd State University

Strizoe A. L., Doctor of Philosophical Sciences, Professor

E-mail: strizoe@yandex.ru

Tel.: 8-902-360-85-97